

РОССИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Российское гражданское общество сегодня: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов

Е.С. ПЕТРЕНКО, Г.В. ГРАДОСЕЛЬСКАЯ

В последнее время исследования гражданского общества в России получили новое направление, соответствующее новым практическим запросам от научной и политической элит нашей страны. Широкая общественность также по-новому расставляет акценты в определении гражданского общества и его роли в возрождении российской государственности. Несмотря на то что узнаваемость термина «гражданское общество» растет, смысловое наполнение остается загадкой как для теоретиков, так и для практиков. В исследованиях последнего десятилетия, проведенных Фондом «Общественное мнение», отмечается, что российское общество находится в состоянии увеличивающейся поляризации: в отдельных центрах повышается солидарность, но вместе с тем растет и разобщенность, самоизоляция значительной части россиян. Выявленная исследователями ситуация требует своего осмысления. Возникают вопросы: какие факторы могут объяснить растущую разобщенность российского общества? Какие индикаторы подходят для измерения наличия/отсутствия гражданского общества в России? Какие позитивные образцы поведения необходимо поддерживать для дальнейшего развития гражданского общества в России и какие социальные группы наиболее перспективны? На эти вопросы мы постарались ответить в данной статье. Особую практическую ценность имеют выводы, основанные на репрезентативных данных, которые получены в результате общероссийских опросов.

Вводные замечания

В апреле 2001 г. на вопрос «Знаете ли Вы, слышали или слышите впервые выражение "гражданское общество"?» только 16% из 1500 участников общенационального опроса Фонда «Общественное мнение» дали утвердительный ответ [Поговорим о гражданском обществе 2001]. В начале весны 2008 г. уже каждый четвертый респондент (25%) при аналогичном опросе ответил, что гражданское общество в России сложилось и существует. Чаще всего люди объясняли, что в стране уже есть гражданское общество, потому что есть законы и они соблюдаются (3%), «есть право - отстаивать свои права» (1%), есть митинги и акции протеста (1%), есть партии, общественные организации (1%) и т. д. Судя по результатам опроса 3000 респондентов в августе 2007 г., в субботниках по

месту жительства принимали участие 40%, в собраниях жильцов дома - 19%. в ремонте подъездов своими силами - 8%. По данным других исследователей. каждый третий россиянин считает, что чаще других в настоящее время приносят пользу такие общественные организации, как общества защиты прав потребителей, организации ветеранов и благотворительные фонды [Якобсон 2007].

Обычно при попытках понятийного определения гражданского общества рассматриваются такие противопоставления, как государство - индивид; несправедливость - справедливость; институционализация - деинституционализация; солидарность - равнодушие; отчуждение - сплоченность и, наконец, иерархия - сеть.

Эти дихотомии задают нелинейную, по сути, рамку существования концепта «гражданское общество». Обратим внимание еще и на то, что при таких операционализациях возникают три точки напряжения.

1. Во всех дихотомиях (может быть, кроме последней) так или иначе, как минимум, одна из составляющих оказывается весьма сильно идеологически нагруженной. В России это привело к тому, что фактически термин «гражданское общество» воспринимается, прежде всего, как некий самодостаточный политический институт, не требующий «инструментальных определений».

2. Еще одной особенностью определений гражданского общества является то, что они формулировались чаще всего как некий идеальный конструкт, образец развития общества, к которому надо стремиться. Это привело к разрыву между декларируемыми целями и возможностями их достижения. Труднее всего ответить на один, казалось бы простой, вопрос: какие элементарные индикаторы гражданского общества следует отыскать, измерить в повседневной жизни? Такое измерение затрудняется противоречивостью его отдельных элементов. В российских реалиях изменения, формально соответствующие «высветлению отношений и контролю» государственных или рыночных структур, часто приводят к негативным последствиям. Например, корпорации пытаются сделать свою структуру «прозрачной», при этом вынуждены «сбрасывать социалку», что в случае градообразующего предприятия грозит гуманитарной катастрофой.

3. На инструментальном уровне трудно решить проблему измерения результативности общественных (некоммерческих, неправительственных) организаций - в современной теоретической трактовке основных индикаторов развития гражданского общества. Ф. Фукуяма [Фукуяма 2003] упоминает исследование «Янки Сити», где в общине из 17 тыс. членов было насчитано около 22 000 различных общественных групп, что иллюстрирует практическую невозможность их переписи. Помимо всего прочего, технический прогресс влияет на формы общественных объединений, перенося их в он-лайн. В среднем каждый блоггер участвует в 5-10 сообществах¹.

С течением времени ключевые концепты, ассоциируемые с гражданским обществом, изменялись, дополнялись и переосмысливались. Вот далеко не полный перечень попыток операционализации такого рода концептов, предлагаемых за последние десятилетия:

«первичная соборность», чтобы обеспечить «свободу личности», разделение «гражданского общества» и «власти» [Франк 1992],
«гражданская солидарность» [Резник 1998],

¹ Блогосфера и он-лайн сообщества требуют особого рассмотрения.

«неправительственные организации» [Хорос 1997], «принципиальная неупорядоченность», «функциональная сфера, расположенная между сферами государственного и частного», «третий сектор» [Зигерт 2005], «реципроктное поведение, построенное на взаимном признании прав и исполнений обязательств как гражданами, так и властями» [Хлопин 2006].

Х.К. Ахиер и Л. Карлсон в работе «Civil Society: What it is, and how to measure it» предлагают удачную, на наш взгляд, рабочую операционализацию: «Гражданское общество является сочетанием институтов, организаций и индивидуальностей и находится между семьей, государством и рынком, где люди свободно объединяются на основании общих интересов» [Anheier, Carlson 2002]. Эти авторы отмечают, что это определение не охватывает всех аспектов гражданского общества, но является необходимым для выделения перспектив и подходов к его изучению. Они считают гражданское общество необходимым условием выживания и самосохранения общества как такового.

Некоммерческие организации как элемент гражданского общества

Во второй половине прошлого века структурным элементом, определяющим существование гражданского общества, практически всеми авторами были признаны некоммерческие/неправительственные организации (НКО/НПО)². По мнению Ю. Хабермаса [Habermas 1992], роль этих организаций заключалась, прежде всего, в решении тех или иных социальных проблем путем их обнародования и привлечения внимания общественности, тем самым перемещения проблемы из частной сферы в политическую либо общественную.

Обратим внимание: «вживление» понятия НКО в концепт «гражданского общества» приводит к некому парадоксу, поскольку возникает институт, как бы заявляющий себя в качестве антипода института государства.

Сегодня гражданское общество понимается как «устойчивая система социальных отношений и определяющих их общественных интересов, отражающих эти интересы идей и реализующих их организаций, возникающая на определенном, исторически обусловленном этапе развития социума и инкорпорированных в нем индивидов [<http://www.c-society.ru>]. Гражданское общество представляет собой систему ограничения всевластия государства, взаимодействует с ним, изменяет его и меняется само под воздействием права. Общественные организации - основная ячейка гражданского общества. Здесь подразумеваются правозащитные, женские, детские, экологические организации, патриотические клубы, землячества и национальные диаспоры, культурные и творческие союзы, профессиональные союзы, организации по месту жительства и местного самоуправления, научные, образовательные, ветеранские, молодежные, спортивные организации, общественные религиозные организации и другие некоммерческие организации.

Все же и теоретические разработки, и практические исследования гражданского общества показывают, что оно не может абстрагироваться от государства, которое своим присутствием, как минимум, обеспечивает нормативное поле для

² Корректная и аргументированная операционализация НКО как основной несущей конструкции гражданского общества предложена Л. Якобсоном [Якобсон 2007].

социальных взаимодействий. Без централизации и развитого бюрократического аппарата не обойтись: «Простейшая формула гражданского общества — это, с одной стороны, полная централизация, обеспеченная механизмами отчетности и сменяемости, предусматривающая сравнительно небольшие оклады для чиновников, а с другой, экономический плюрализм» [Геллер 1995].

НКО могут выступать противовесом властной иерархии, но никогда не смогут от нее избавиться. Отсутствие иерархии не является необходимым признаком гражданского общества - поскольку и «сами демократии также организованы иерархически. Президент США в настоящее время в некоторых отношениях имеет больше власти, чем о том мог бы мечтать восточный деспот, включая возможность уничтожить большую часть мира при помощи ядерного оружия. Разница не столько в иерархии, сколько в том факте, что власть в демократическом обществе делается законной благодаря народному согласию и ограничена в своих правах относительно индивидов» [Фукуяма 2001].

Иными словами, речь идет о структурной важности НКО как элемента, встраиваемого в систему государственных институций, выполняющего необходимую роль противовеса и своего рода страховки от коррупции на верхнем и среднем уровнях государственного управления.

Доверие и социальный капитал

На уровне межличностных взаимодействий гражданские отношения можно рассматривать как элемент, встраивающийся в институционализированные системы. Основой «низовых» неформальных экономических и социальных отношений в обществе является доверие, а наиболее распространенная модель межличностных отношений - социальные сети [Радаев 2003, Барсукова 2004].

Именно доверие к действиям партнера, его поведению обеспечивает существование и функционирование социальных сетей, что, в свою очередь, является базой социального капитала. Довольно подробно этот вопрос был рассмотрен в работе Ф. Фукуямы [Фукуяма 2003], который отмечает, что сеть - это современная корпоративная версия спонтанной организации. Тем самым совершается переход с межличностного уровня взаимодействий на уровень отношений общественных организаций и государства. Основой и «гарантией безопасности» подобного перехода как раз и служит доверие, представляющее, по сути дела, смысл понятия «социальный капитал».

Доверие можно рассматривать как некую социальную норму, действующую во всех слоях общества. В зависимости от субъектов отношений доверия сегодня принято рассматривать межличностное и институциональное доверие, т. е. доверие между индивидами и доверие индивидов социальным институтам и их представителям³.

Однако нельзя забывать, что отношения доверия - феномен сложный и очень хрупкий. Трудно представить себе «контрастность» в проявлении доверия: абсолютное доверие одним институтам (или общественным деятелям) и резкое недоверие другим. Распределение доверия между разными социальными

³ Операционализация таких понятий детально рассмотрена В. Звоновским [Звоновский 2007].

институтами обычно происходит более-менее равномерно и усредненно - или в целом высокий уровень, или в целом низкий. Низкое институциональное доверие в сегодняшнем российском обществе сопровождается гипериндивидуализацией, на которую в период либеральных реформ возлагали большие надежды, но которая затем привела к общественному равнодушию, снижению доверия.

Доверие проникает на все уровни общественного взаимодействия - от личного окружения индивида до общественных организаций и властных структур. На уровне взаимодействия индивидов доверие реализуется через традиционные практики взаимопомощи и товарищества, на следующем уровне оно объективируется в доверии общественным институтам, на самом высоком уровне реализуется через доверие государству (см. рис. 1).

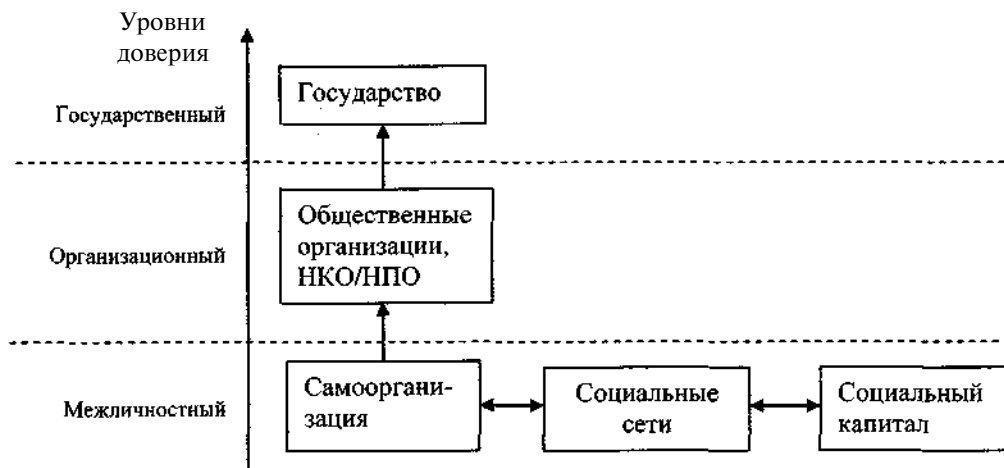

Рис. 1. Ключевые концепты, позволяющие операционализировать понятие гражданского общества

Далее мы будем придерживаться представления о гражданском обществе как взаимодействии трех составляющих: акторы, некоммерческие организации, государство/бизнес и объективированные связи между ними. Фактически неправительственные организации можно рассматривать как заполнение структурной «дыры» между уровнем межличностных взаимодействий и уровнем государства. Функционально НКО ни в коей мере не противоречат государственным интересам, напротив, они обладают определенными полномочиями для выполнения своей структурной функции - ограничения произвола как управленческого аппарата и социальной безответственности бизнеса.

Фактически общественные организации реализуют потенциал социального капитала, который и является «социальным клеем», скрепляющим сообщество. Тогда общественные организации можно рассмотреть как некий аккумулятор социального капитала, механизм, облегчающий людям обмен таким капиталом в их повседневной деятельности и упрощающий коммуникации между индивидами и властными структурами.

Гражданское общество в России

Проанализируем результаты серии крупномасштабных общенациональных опросов, проведенных ФОМ осенью прошлого года. В частности, будем рассматривать результаты двух репрезентативных общенациональных опросов, в которых приняли участие 3000 («Самоорганизация») и 34 000 («Георейтинг») ⁴ россиян, проживающих в 68 регионах РФ.

Результаты этих опросов позволили эмпирически выявить три составляющих (три уровня развития) социального капитала:

1-й уровень, личностный - доверие ближайшего социального окружения (на ближней социальной дистанции);

2-й уровень, общественный - общественное доверие в стране (на дальней социальной дистанции);

3-й уровень, институциональный - доверие к институтам власти и оценки роли этих институтов власти в поддержке общественного доверия.

Результаты исследований свидетельствуют о противоречии и даже разрыве между первым и остальными уровнями доверия (табл. 1). На ближней социальной дистанции люди склонны доверять и помогать друг другу. Однако этот потенциал пока практически не задействован общественными организациями. Поэтому фактическая институционализация низовых взаимодействий невелика. Оценки респондентами общего уровня общественного доверия в стране и деятельности властных структур явно невысокие. Более того, прослеживается тенденция снижения таких оценок.

Таблица 1. Общественная сплоченность и роль НКО

Уровень общественного согласия, сплоченности	Доверие	Степень развития	Оценки роли НКО
1-й уровень, личностный	Межличностное доверие	Стабильно высокий уровень	НКО не принимают во внимание и не используют потенциал межличностного доверия
2-й уровень, общественный	Общественное доверие	Постепенное снижение уровня	НКО включены слабо
3-й уровень, институциональный	Доверие к институтам власти	Очень низкий уровень	НКО зачастую работают на понижение лояльности властным структурам

Разрыв в оценках на разных уровнях объясняется разрывом самоидентификации «в зависимости от того, связывают ли эти отношения людей непосредственно друг с другом или они видят эту связь лишь как следствие своей принадлежности к более широкой социальной общности - доверие личное и безличное.

⁴ 4 Проекты инициированы ГУ-ВШЭ. Методологический инструментарий разработан И. Мерсияновой и Л. Якобсоном (ГУ-ВШЭ). Полевые работы по проекту выполнял ФОМ по заказу ГУ-ВШЭ. Полевые работы по мегаопросу «Георейтинг» выполнены ФОМ в соответствии с грантом, выигранным на Первом открытом конкурсе проектов некоммерческих неправительственных организаций (НКО), имеющих социальное значение, в сфере проведения социологических исследований и мониторинга состояния гражданского общества.

Личное доверие есть отношения знающих в той или иной степени друг друга людей, второе, напротив, - доверие не известных до настоящего момента друг другу людей (и возможно, так и не узнающих друг друга)» [Звоновский 2007].

Невысокое доверие на общественном и институциональном уровнях отражает общее снижение интереса и доверия к идеалам «гражданского общества [Фужуама 2003], что подтверждают данные и многочисленных международных опросов.

Большой резонанс в свое время вызвало знаменитое исследование гражданского общества в Соединенных Штатах, проведенное Робертом Патнэмом [Putnam 2000]. Полученные им данные отчетливо продемонстрировали снижение уровня участия населения США в ассоциациях, общественных организациях («от бойскаутов до ассоциации родителей и учителей»). Исследовались профсоюзы, профессиональные ассоциации, группы по интересам, спортивные клубы, братства и церковные группы. С середины 1970-х до середины 1990-х годов число членов общественных групп среди респондентов уменьшилось примерно на четверть.

Фактически российский социум только начинает, если можно так выразиться, приближаться к идеальной модели, для которой характерно преобладание собственности над властью, имеется очень обширный средний класс и мало влияние государства. Однако пока опросы фиксируют повышение разобщенности, понижение взаимного доверия между рядовыми гражданами и их готовности к объединению, а также снижение доверия населения к государственным институтам и общественным организациям.

Процессы снижения доверия властным структурам в России и США оказываются весьма сходны. Исследование, проведенное Исследовательским центром Пью, показало, что в 1997 г. 56% американцев заявили, что они не доверяют правительству. В России наблюдаются схожие тенденции, кроме, пожалуй, одного исключения - так называемого феномена Путина. Зигерт [Zigert 2005] отмечает, что «российский политический класс не признан остальной частью населения в качестве своего законного представителя. Если не считать В. Путина (опросы ФОМ показывают, что ему доверяют до 50% респондентов)⁵, ни один государственный институт управления не набирает более 25-30% голосов поддержки». Так, очень низок престиж Государственной думы: ее работу оценивают отрицательно большинство респондентов (52%), а положительно - только 27%. Не более трех из 10 россиян положительно оценивают работу Совета федераций. Столько же положительно оценивают работу региональных законодательных собраний, и ровно столько же дают отрицательные оценки их деятельности. При этом к руководителям регионов респонденты относятся значительно лучше: 54% опрошенных заявляют о симпатии и только 27% - об антипатии к главе своего региона⁶.

Некоторые исследователи считают, что «в России элементы гражданского общества уже есть. Но они слабо структурированы и практически не институционализированы» [Резник 1998]. Это утверждение фактически отражает парадоксальность формирования гражданского общества в России, где в процессе

⁵ С сайта ФОМ: http://bd.fom.ru/report/cat/polit/rat/good/confidence_politician_08/d082301

⁶ С сайта ФОМ: http://bd.fom.ru/report/cat/power/pow_rei/d071901#Abs6

институционализации общественные организации неизбежно вступают во взаимодействие с государством, встраиваются в его бюрократическую систему (что противоречит исходной идеологии гражданского общества), практически утрачивая свою особость как неправительственные организации.

Как только движения снизу начинают оформляться в сообщества и организации, они часто если и не теряют связь с системой первичных общественных объединений, то заметно ослабляют их - прежде всего за счет того, что лидеры движений переориентируются на приоритеты личных карьерных целей. Зачастую отсутствие доверия НКО, фиксируемое данными опроса, продиктовано «социальной памятью», связывающей «третий сектор» с диссидентской средой, вся деятельность которой была направлена на противодействие Советскому Союзу. И. Зигерт отмечает: «К сожалению, пережиток этого представления о гражданском обществе сохранился до нашего времени в сознании многих людей - обычных граждан, политиков, государственных служащих, - и это подчас создает большие трудности» [Зигерт 2005].

Причина низкого уровня общественного доверия в российском сообществе может иметь и исторические причины: в России большинство попыток построения гражданского общества происходило «сверху», т. е. при участии центральных властей. В основе подобных типов общественных систем лежит эффективность власти, а не эффективность собственности [Голенкова 1997]. Это характерно для социумов восточного типа, основу которых составляет властно-правовая иерархия при фактическом отсутствии частной собственности на землю, ресурсы и средства производства, которые объявляются собственностью общества [Романенко 1994].

Посмотрим, какие гражданские установки распространены среди россиян сегодня. В мегаопросе «Георейтинг» была возможность рассматривать одновременно и экономическую, и общественную активность респондентов: участие в общественных организациях и ведение собственного бизнеса. Аналитически выделено несколько групп акторов по их жизненным стратегиям:

религиозный активист (респонденты, декларирующие свое участие в деятельности религиозных организаций) - стратегия отчуждения от социума;

светский активист (респонденты, декларирующие свое участие в деятельности любых светских общественных организаций) - стратегия активного взаимодействия с социумом;

активист-бизнесмен (респонденты, декларирующие и владение собственным малым/средним бизнесом, и участие в деятельности общественных организаций) - стратегия активного взаимодействия бизнеса и социума;

бизнесмен (респонденты, декларирующие владение собственным малым/средним бизнесом) - стратегия изоляции от социума;

остальные респонденты, чаще всего декларирующие свою изолированность от общества.

Анализ этих групп показал, что они практически не различаются по социально-демографическим признакам, но для каждой характерны особые психологические свойства, самоидентификация, особенности поведения в социуме. Каждой из них присущи особая стратегия взаимодействия и особые установки и

на межличностном, и на социальном уровне. Они своеобразно выстраивают взаимоотношения с окружающими, организуют самозащиту, выбирают гражданскую позицию.

В табл. 2 приведены характерные для каждой группы модели социального поведения.

Таблица 2. Социальное поведение акторов общественной активности

Типаж социального поведения	Акторы общественной активности				
	религиозный активист	светский активист	активист-бизнесмен	бизнесмен	остальные респонденты
Социальная консолидация и идентичность с ближним окружением	Избирательные контакты	Консолидация	Консолидация	Изоляция	Изоляция
Включение в сети социальной взаимопомощи	Изоляция	Периодическое включение в сети взаимопомощи	Активное включение в сети взаимопомощи	Периодическое включение в сети взаимопомощи	Изоляция
Отношения с властью	Изоляция	Противостояние	Сотрудничество	Изоляция	Изоляция
Социальная защищенность	Незащищенные	Незащищенные	Незащищенные	Незащищенные	Незащищенные

Религиозные активисты. Среди их светского окружения в целом больше разобщенности, однако встречаются люди, с которыми совпадают некоторые интересы. С этими людьми, как правило, и поддерживаются избирательные контакты. Что касается встраивания в сети социальной помощи и поддержки, религиозные активисты в отношениях с «миром» придерживаются стратегии самоизоляции (не готовы объединяться сами и не рассчитывают на помощь светского окружения). По отношению к властям они придерживаются стратегии невмешательства, отчуждения. За последние годы чувство социальной защищенности у них снизилось, и в большинстве они не чувствуют себя в безопасности (незащищенные).

Светские активисты. Эта группа отличается высокой консолидированностью со своим окружением - среди составляющих окружение преобладает сплоченность, с «близкими» людьми также много общего. Хотя они сами готовы объединяться для защиты интересов, но окружение их в этом не очень поддерживает. В процессе общественной деятельности, как и религиозные активисты, на понимание властей не рассчитывают и готовы к противостоянию. Они не чувствуют себя в безопасности.

Активисты-бизнесмены. Для них также характерен высокий уровень консолидации. Они готовы объединяться со своим окружением и уверены, что окружение их поддержит. В своей общественной деятельности они включены во взаимодействие с властными структурами и лояльны к ним (т. е. считают, что власти их понимают). В этой группе преобладают социально защищенные (счи-

тают, что за последние годы безопасность повысилась, и сами в настоящий момент чувствуют себя социально защищенными).

Бизнесмены. В повседневных взаимодействиях чувствуют себя изолированными (в их окружении больше разобщенности и нет людей, похожих на них), сами готовы к объединению. По отношению к властям скорее изолированы. В отличие от активистов-бизнесменов они не чувствуют себя в безопасности.

Остальные. По степени взаимодействия с ближайшим окружением и с властями (в сравнении с другими группами) больше изолированных. По чувству социальной безопасности преобладает незащищенность.

Обратим внимание на группу, которая демонстрирует наиболее позитивные образцы общественного поведения, социальных установок. Ее составляют бизнесмены, которые одновременно включены в общественную деятельность. Помимо бизнеса у них появляются дополнительные смыслы деятельности. Общаясь с другими акторами, общественными организациями, они могут реконструировать социальную реальность в меру собственного понимания. Помимо профессиональной репутации они обретают общественное признание, что значительно повышает их социальный капитал. Примечательно следующее: именно эта группа, единственная из всех, ориентирована на контакт с властными структурами (в отличие от прочих активистов, нацеленных на противостояние власти). Бизнесмены-общественники, единственные из всех четырех групп, отличаются активной вовлеченностью в сети поддержки и сплоченностью. Безусловно, такая тесная включенность в общественную жизнь и позитивные установки приводят к чувству социальной защищенности. Эта группа фактически единственная среди рассмотренных групп, осознающая себя социально защищенной. К сожалению, ее размер небольшой - менее 1% всего населения России, но все же это каждый шестой бизнесмен. Не исключено, что данный положительный образец общественного поведения в среде бизнесменов послужит отправной точкой в развитии гражданского общества для части населения России.

Аналитически по результатам опроса «Георейтинг» были сконструированы следующие типы социального поведения респондентов:

социальная консолидация и идентичность с ближайшим окружением, которая варьируется от полной самоизоляции до осознания включенности в плотную группу с совпадающими интересами (подробнее см. в табл. 6);

формы взаимовыручки и поддержки в ближайшем окружении - от отказа от участия во взаимопомощи до активной вовлеченности в сети поддержки (подробнее см. в табл. 7);

отношение к властям - от противостояния до совпадения интересов (подробнее см. в табл. 10);

ощущение социальной безопасности - от ощущения полного отсутствия социальной защиты до гарантированной защиты.

Доверие и другие составляющие социального капитала

Изменение уровня доверия

1990-е годы показали, что разрушение государственных институтов и снижение доверия к ним привело к общему снижению доверия в обществе.

Судя по результатам мегаопроса «Георейтинг», в сентябре 2007 г. 67% респондентов считали, что основное падение доверия людей друг к другу произошло в последние годы. В этом смысле их социальное самочувствие согласуется с данными исследования: резкое понижение доверия произошло с 2005 по 2008 г. Всего 17,6% опрошенных россиян считают, что большинству людей можно доверять, а противоположного мнения придерживаются 78,1% (см. рис. 2).

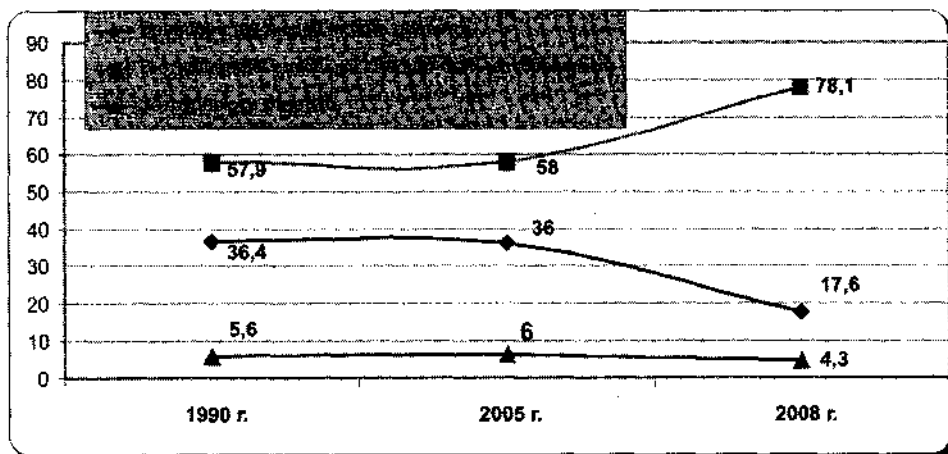

Рис. 2. Изменение уровня доверия среди россиян

Характеризуя понижение уровня доверия в обществе, участники фокус-групп говорят просто: «Раньше добрее были»⁷:

«Ой, ну тогда тоже было очень здорово. Работали мы все, пардон, до горбачевской деятельности в оборонке. Вот там все было прекрасно, у нас был коллектив 120 человек, и молодые и после института, и все были как одна семья... И ко мне обращались, и я делала, что могла. Это было. У нас человеческие были отношения, понимаете... Добрее были. Вот Москва сейчас все-таки более жестокий город, а в регионах люди там, где такая вот более спокойная жизнь, размеренная, там как-то ближе к тому, что было раньше, люди потеплее и подобнее» (ДФГ, Москва).

Изменение образцов повседневного поведения, структура отношений отразились не только на рабочих, но и на родственниках отношениях:

«Раньше вот мои родители, и сестры, и тетки, и дядьки мои, было множество родственников, и они все умерли... Вот я последнюю фотографию помню, отца мы хоронили в 79-м году, я посчитала, где-то да, ну 40 человек было. Сейчас ни одного, осталось мое поколение, двоюродные братья и сестры. Никто никого видеть не хочет. Я хотела наладить мосты, никто не хотел идти со мной на контакт. Так я попыталась, и меня как бы отфутболили. И все друг друга так, я еще одной позвонила, говорит - меня тоже не хотят. Ну я и говорю - ну и будем жить так, с чужими людьми общаться» (ДФГ, Москва).

⁷ В рамках проекта «Гражданское общество» исследования фокус-групп были проведены ФОМ в Москве, Самаре, Новосибирске в апреле 2008 г.

Представители более молодого поколения воспринимают прохладные отношения с родственниками как норму и предпочитают общаться с друзьями:

«Я не считаю, что родственники — это мои первоочередные помощники. Это первоочередные, которым дай, желательнее безвозмездно. Мне всегда помогали и помогают чужие люди. К родственникам я не обращаюсь, потому что все мои просьбы были бесполезны. Естественно, и материальные. Они - дай, бесконечно дай, и дай, и дай. А потом отдают гнилыми огурцами. Это вот за столом посидеть, пообщаться. И разошлись. Недаром говорят, что близкие друзья лучше родственников» (ДФГ, Новосибирск).

«У нас в семье моей, допустим, два-три человека, на которых жестко можно рассчитывать. И даже, я считаю, лучше на друзей рассчитывать, в какой-то момент они даже надежнее, чем родственники» (ДФГ, Самара).

Включение в сети поддержки

Таким образом, групповые дискуссии показывают смещение связей взаимопомощи от родственников к друзьям. Однако сопоставление ожидаемой и реально полученной помощи, по данным массового опроса, показывает, что родственные связи оказываются все-таки более надежными: разрыв между ожидаемой и полученной помощью составляет всего 10%, тогда как для дружеских связей этот разрыв составляет уже 19% (см. рис. 3).

«Те, на кого рассчитывал, не помогли. Уже в последний момент, как сказать, а на кого не рассчитывал - эти люди помогли» (ДФГ, Самара).

В целом уровень полученной помощи значителен: 79,7% от родственников и 68% от друзей. Правда, набор источников реально полученной помощи все равно невелик.

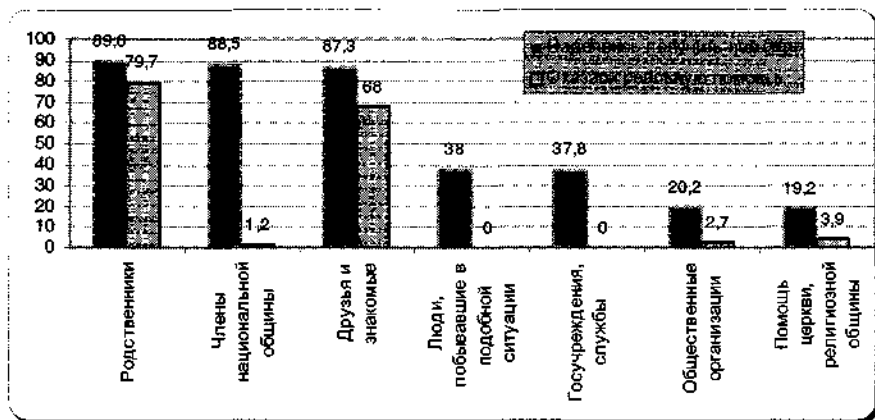

Рис. 3. Диспропорция источников ожидаемой и реально получаемой помощи

Приведенные выше данные говорят также и о слабости развития общественных организаций в России. Пятая часть опрошенных (20,2%) надеялись на помощь общественных организаций, а получили ее всего 2,7%. На помощь госучреждений, госслужб надеялись в два раза больше (37,8%), а получили от них помощь ничтожно малое число людей, среди участников опроса таковых не встретилось ни одного. Также никто не получает помощь от людей, побывавших в подобной ситуации, хотя надеются на них 38%.

Помощь национальных и религиозных общин тоже крайне невелика. На помощь первых надеются 88,5% опрошенных, а реальную помощь получают 1,2%. На помощь вторых надеются 19,2%, а получают всего 3,9%. Результаты опроса свидетельствуют о высоком уровне доверия среди религиозных активистов (см. табл. 3).

Таблица 3. Распределение доверия в российском обществе (по результатам исследования ФОМ, 2007), %

Ответ на вопрос «Как вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?»	Все опрошенные	Активисты		
		Все активисты	нерелигиозные	Религиозные
Большинству людей можно доверять	17,6	24,3	23,6	32,6
В отношениях с людьми следует быть осторожными	78,1	72,5	73,4	61,1
Затрудняюсь ответить	4,3	3,2	3,0	6,3

Представители религиозных общин все-таки оказывают эмоциональную и моральную поддержку нуждающимся:

«Постоянно обращаюсь к представителям православной церкви. Просто за духовным. Понимаете, они ведь все растолкуют, потому что у них рас-суждение есть. Особенно те, у кого есть действительно богословское об-разование, они очень рассудительные. Вот мы говорим сейчас о соседях, о каких-то коллегах. В принципе они правы в том отношении, что у нас нет плохих людей, вообще нет. У нас есть дурные мысли и представления о лю-дях. Наши собственные. А плохих-то их нету, людей» (ДФГ, Новосибирск).

Таблица 4. Безвозмездное оказание помощи другим людям (не членам семьи и не близким родственникам), %

Тип действия или поступка	%
Эмоциональная поддержка, общение, житейский совет	34,4
Помощь вещами	30,9
Помощь деньгами (в долг без процентов)	28,2
Бытовая помощь на дому, физическая помощь	25,8
Помощь продуктами	24,5
Помощь деньгами (безвозмездно)	22,8
Профессиональные консультации, чтение лекций, уроки	10,8

На сегодняшний день в России эмоциональная поддержка является самым распространенным типом оказания помощи среди людей, не связанных родственными отношениями, - 34,4% (табл. 4). Помощь вещами и деньгами немного меньше, но находится примерно на том же уровне и составляет 30,9 и 28,2% соответственно.

Данные исследования позволяют оценить размер групп по включенности в сети поддержки (см. табл. 5). Наибольшей активностью в сетях поддержки об-

ладает группа, которую условно можно назвать «включенные» (они и помогают, и готовы получить помощь) - их 23,9%. Есть еще две крайние группы, которые либо только помогают (назовем их условно «доноры»), либо только получают помощь («реципиенты») - их 26,9% и 7,9% соответственно.

Есть и группа людей, полностью выключенных из сетей общественной поддержки, - условно назовем ее «изолированные». Таких людей довольно много, почти пятая часть населения России. Результаты опроса показывают, что наиболее изолированными от общественной поддержки оказываются как раз те, кто в ней больше всего нуждается: низкодоходные группы, а также люди старшего возраста. Это говорит, с одной стороны, о самоизоляции, с другой - о недостаточном мониторинге общественными организациями целевых групп.

Таблица 5. Степень включенности групп в сети поддержки, %

Группа	Степень включенности	%
Включенные	Помогают и готовы получить помощь	23,9%
Доноры	Помогают, не рассчитывают на помощь	26,9%
Реципиенты	Не помогают, но нуждаются в помощи	7,9%
Изолированные	Не помогают и не рассчитывают на помощь	18,2%

Изолированные люди попадают в замкнутый круг, они не способны помогать ни другим, ни самим себе, и иногда даже не в состоянии попросить о помощи:

«Когда человек нормальный, он не живет в нищете. Потому что нищета, это все - это ты уже становишься не человеком, когда тебе есть нечего. Нищета, она не может... Как сказать... Не предусматривает высокие чувства, обучение и прочее. Нет, у тебя только одна мысль: где добыть еду? Ты как первобытный человек становишься. Что нужно накормить детей. Все, других нет мыслей, ни книги, ни чувства никакие, ничего тут не играет. А когда ты уже знаешь, что ты в любом случае все равно накормишь, тут уже, если ты человек нормальный, то ты откликнешься на чужую боль» (ДФГ, Новосибирск).

На готовность помогать незнакомым людям влияет удовлетворенность разными аспектами своей жизни: доходами, работой, жизнью в целом. Наиболее сильно влияет на готовность помогать незнакомым людям удовлетворенность работой: среди удовлетворенных 61,5% готовы помогать незнакомым, в то время как среди неудовлетворенных работой таких 46,9%. В целом удовлетворенность разными аспектами жизни повышает готовность помогать людям на 10-15%.

Уровень общественного доверия напрямую влияет на чувство социальной защищенности - возможно, именно с этим связано желание людей объединяться для решения своих проблем. Среди тех, кто констатирует снижение уровня общественного доверия, половина (49,1%) заявляет и о снижении ощущения своей защищенности. У остальных чувство социальной защищенности, скорее всего, не изменилось. Всего десятая часть опрошенных (9,8%) ответили, что их ощущение личной безопасности повысилось.

Возможности консолидации и объединения

Доверие к организациям в нашей стране можно определить как довольно низкое. В среднем на помощь организаций в трудной ситуации рассчитывает лишь каждый пятый - 21,3% россиян, в то время как в одиночку стали бы помогать 38,6%, а объединившись в группу с другими - 33,6%. Возможно, недоверие к общественным организациям, низкое число обращений к ним проистекают из предыдущего опыта, патерналистских настроений, когда для решения любых житейских проблем главным было обратиться «куда следует». Повышение личного доверия повысит и вероятность создания общественных организаций «снизу» для расширения взаимопомощи в своем сообществе. Гражданское общество в России должно созреть само, но это долгий процесс, подверженный многочисленным внешним воздействиям [Зигерт 2005].

В связи с этим возникает закономерный вопрос: а есть ли предпосылки к возникновению общественных объединений «снизу»? Данные ФОМ показывают серьезный разрыв в восприятии консолидации россиянами на персональном уровне и на уровне государства (см. рис. 4).

Рис. 4. Разрыв в восприятии консолидации на личном и государственном уровне

Среди ближайшего окружения согласие и сплоченность преобладают более чем у половины россиян (56,6%). Около трети (33,8%) признали, что в их окружении больше несогласия и разобщенности. В отношении ситуации в стране картина диаметрально противоположная: три четверти (75,8%) считают, что на государственном уровне преобладают несогласие и разобщенность, и лишь 14,7% считают, что больше согласия и сплоченности. Возможно, именно с этим связана парадоксальная ситуация - готовность помогать друг другу на межличностном уровне и вместе с тем тотальное недоверие государственным институтам и общественным организациям.

На уровень доверия влияет состояние окружения («строительный материал социального капитала»). Если среди окружения больше согласия, сплоченности, то и уровень доверия людям повышается в 2 раза - 62,6% против 28,9% в случае, если среди окружения больше несогласия и разобщенности. В то же время если больше несогласия, разобщенности, то, наоборот, повышается степень недоверия - 59,5% доверяют людям меньше.

Без доверия нет и дальнейшего объединения на низовом уровне - для защиты собственных интересов или интересов своей группы. В целом, по результатам опроса, готовы объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий 59,1%, не готовы объединяться с другими - 29,2%. Среди же тех, у кого в окружении преобладает сплоченность, желание объединяться увеличивается в 1,5 раза - до 67,5%. Напротив, среди тех, у кого в окружении преобладают несогласие и разобщенность, нежелание объединяться увеличивается почти в 2 раза - до 39,3%.

Уровень общественной активности россиян можно оценить как довольно низкий. Выделяется очень небольшая (7%) группа активных людей, которые будут объединяться в любом случае - и при решении личных, и при решении общественных проблем. Одновременно выделяется довольно значительная группа (40,4%) респондентов, которые не будут объединяться ни при каких обстоятельствах - ни для решения собственных проблем, ни для решения общественных проблем.

Для того чтобы понимать остроту социальных вызовов, необходимо правильно оценить размерность ключевых типологических групп: общность интересов (идентичность), степень сплоченности (консолидация) и реализация социальной помощи через консолидацию.

Без первой группы невозможно перейти ко второй. Таким образом, можно выстроить следующую логическую цепочку концептов (базовых элементов), на которых и строится общественная солидарность:

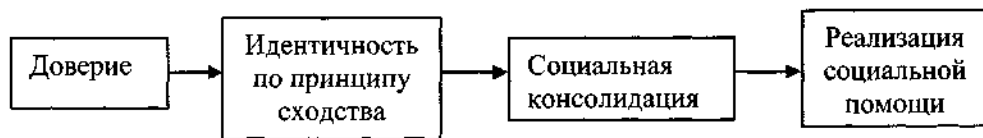

Рис. 5. Мотивационная цепочка, ведущая к реализации социальной помощи

Для оценки идентичности и социальной консолидации анализируем взаимосвязь двух ключевых параметров - оценку сплоченности окружающих и общность интересов с этими людьми. Можно сформулировать и по-другому: насколько люди воспринимают те коммуникативные ценности, которые распространены в их окружении. Среди тех, которые приглядываются и подыскивают похожих на себя, степень сплоченности выше - 61,8% (против 41,7%). А у тех, кто считает, что похожих на них людей они не встречали, наоборот, больше разобщенности - 47,7% (против 29,7%).

Теперь можно оценить типологические группы (табл. 6). Самая небольшая группа - те, кто находится в своеобразной самоизоляции, кому не встречаются люди, похожие на них (18,3%). Противоположная по социальным ориентирам группа - консолидированные, у которых поиск похожих на них людей сочетается с поддержкой окружения (46,2%). Обратим внимание, что величина этой группы весьма значительна, и можно сказать, что на низовом уровне в стране взаимопомощь, взаимоподдержка развиты.

Есть группа, которая занимает промежуточное положение: «избирательные контакты». Относящиеся к этой группе ищут похожих на себя людей, но под-

держки и сплоченности среди их окружения сегодня пока еще не наблюдается. Таких 22,2%, и именно на них должна быть направлена программа построения гражданского общества. Потому что если этими людьми не заниматься, они могут переместиться в группу «изолированные».

Таблица 6. Оценка размеров групп по степени готовности к социальной консолидации и сплоченности, %

Группа	Степень консолидации и сплоченности	%
Консолидированные	Сплоченное окружение, встречаются люди, с которыми много общего	46,2
Избирательные контакты	Разрозненное окружение, но встречаются люди, с которыми много общего	22,2
Изолированные	Не встречаются люди, с которыми много общего	18,3

Сама по себе консолидация и сплоченность ни о чем не говорят. Они нужны для того, чтобы посредством их реализовывать потоки разных видов социальной помощи, объединяться с окружением для защиты собственных интересов, включаться в общественные организации, налаживать отношения с властями (или противостоять им), проявлять свою гражданскую позицию.

Для оценки групп, реализующих социальную активность через консолидацию, проверяем, насколько склонность к объединению соответствует практике оказания помощи друг другу среди окружения. В среде тех, кто склонен объединяться, традиция оказания помощи встречается в 2 раза чаще, чем у остальных групп, и достигает 31,2%.

Теперь можно оценить абсолютный размер типологических групп (табл. 7). Первую группу составляют люди (18,4%), которые сами готовы к объединению с другими и их ближайшее окружение тоже готово к объединению. Потенциально они наиболее активные участники, основа, фундамент нашего гражданского общества.

Вторую группу образуют те, которые декларируют желание объединяться, но в сетях взаимопомощи и взаимоподдержки практически не задействованы. Эта группа самая большая и составляет 38,4%. В ней - потенциальные участники гражданского общества.

Следующая группа - изолированные (27,7%). Это респонденты, которые и не склонны объединяться, и не вовлечены в процесс взаимопомощи. Данная группа является самой проблемной для потенциального участия в гражданском обществе.

Таблица 7. Оценка размеров групп, реализующих социальную помощь через консолидацию, %

Группа	Реализация соц. помощи	%
С повышенной динамикой объединения	Сами готовы объединяться, и их окружение тоже готово объединяться	18,4
С средней динамикой объединения	Сами готовы объединяться, но их окружение не склонно к объединению	38,4
Изолированные	Не готовы объединяться	27,7

Теперь более четко можно сформулировать социальную направленность деятельности общественных организаций: они должны стимулировать включение каждого отдельного индивида в межличностные отношения, а затем и в общественные, повышать так называемую социальную страховку, развивать сети поддержки.

Общественные организации и мотивы участия в общественной деятельности

Наше исследование показало невысокую степень включенности россиян в общественные организации - всего 14%. На вопрос «В деятельности каких общественных объединений и других некоммерческих организаций, общественных гражданских инициатив Вы принимаете участие, членом каких общественных организаций Вы являетесь?» 60,8% ответили: «Ни в каких», а 25,2% затруднились с ответом.

Судя по всему, эта ситуация является следствием низкого уровня доверия и разочарования в существующих государственных институтах и общественных организациях. В течение последних 20 лет, по мнению ряда исследователей, произошла заметная эволюция российских общественных организаций. В середине 1990-х годов существующие формы гражданского общества оценивались как агрессивные и разрушительные [Романенко 1995]. Причиной их деструктивной активности стали разрушение и делегитимация старых политических структур в эпоху правления Б. Ельцина. Большей частью населения эта свобода была воспринята как синоним беспорядка и утраты стабильности [Зигерт 2005]. Граждане России устали от ослабляющей (а подчас и подрывающей) институты государства деятельности радикальных группировок и организаций, появившихся на волне социальных катаклизмов конца 1980-х - начала 1990-х годов [Домрин 2003].

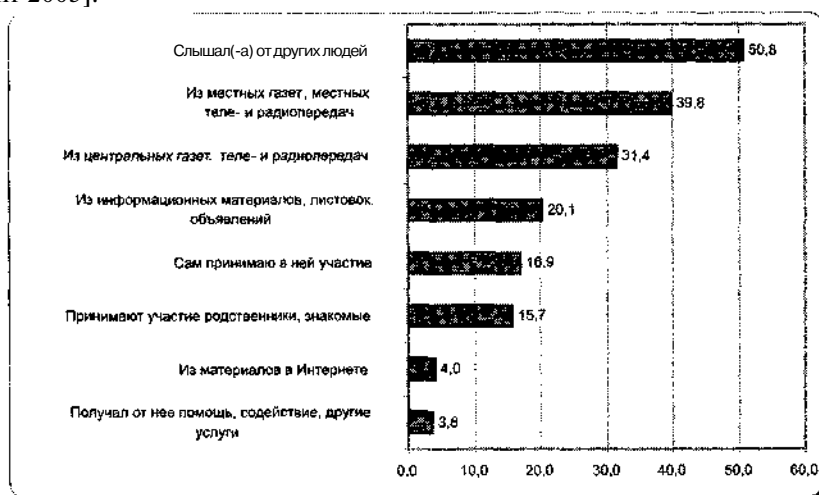

Рис. 6. Информированность об НКО

Следует помнить о большом количестве мошеннических организаций, которые, действуя практически одновременно с финансовыми пирамидами, серьезно подорвали доверие к НКО не только среди простых людей, но и среди бизнесменов:

«Был Московский фонд... А мы несколько благотворительных проектов переслали в этот фонд, специально по радио объявили, что все официально. Теперь нет ни этого фонда, ни этого радиоканала, ни этих денег... Нам вообще ничего не переслали» (ДФГ, Новосибирск).

Результаты опроса фиксируют информационный вакуум, в котором сегодня работают общественные организации: до половины респондентов сведения о работе фондов доходят в виде информации от других людей, 39,8% узнают о деятельности НКО из местных СМИ, 31,4% - из центральных СМИ.

В своих оценках респонденты разграничивают российские и зарубежные НКО (см. рис. 7). Отношение к российским НКО гораздо более позитивное, чем к западным: доля одобряющих их деятельность в 1,5-2 раза выше. Наиболее позитивно оценили респонденты деятельность организаций, существующих с советских времен, - 74,6%. Работу некоммерческих организаций, финансируемых государственными фондами, положительно оценили 65,7%, а работу НКО, финансируемых отечественным бизнесом, - 61,1%.

Деятельность зарубежных НКО положительно оценивают около 40% опрошенных. НКО, финансируемые ООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, положительно оценили 37,5%; деятельность зарубежных благотворительных организаций положительно оценили 39,6%. В то же время у зарубежных организаций велик процент негативных оценок: 28,1% и 26,9% соответственно.

Столь же неоднозначно респонденты высказываются по отношению к религиозным общинам: 40,8% оценивают их положительно, а 27,6% - отрицательно.

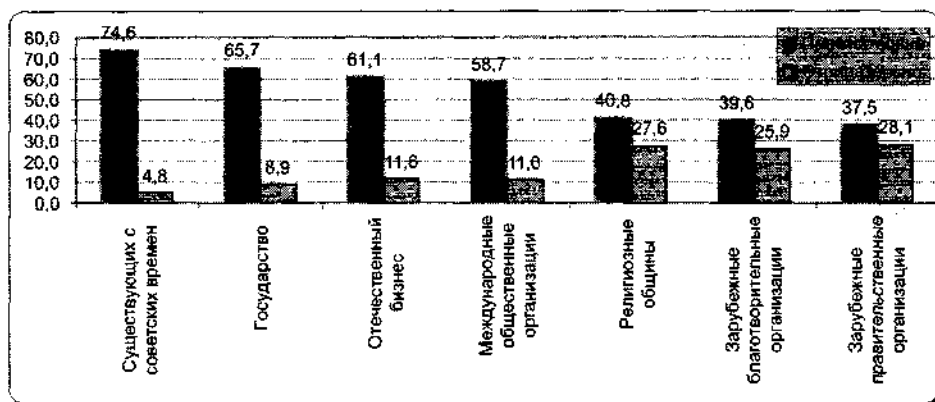

Рис. 7. Оценка отношения к НКО

На стимулирование проявления активности обычных людей оказывают значительное влияние общественные акции. Кто-то может принять участие в активных формах протеста (например, организация или участие в митинге, пикете, демонстрации), кто-то готов лишь на сдержанную форму протеста (подпись коллективного письма), а некоторые не будут принимать непосредствен-

ного участия в такой акции или поддерживать ее материально. Самыми популярными поводами для активных форм протеста являются требования к властям привести в порядок детскую площадку - 57,6% и помощь детскому дому - 54,4%. Самым непопулярным поводом является ситуация, когда люди остаются без работы, - 27,7% россиян не будут принимать никакого участия в протестных действиях.

Насколько вообще в массе своей россияне склонны к акциям протеста, насколько велика группа потенциально конфликтных, готовых по любому поводу участвовать в митингах?

Таблица 8. Оценка размеров групп по степени активности участия в общественных акциях протеста, %

Группа	Степень активности	%
Активные	Будут принимать участие в активных протестных акциях по любому поводу	22,8
Ситуативные	Будут участвовать в зависимости от повода	43,0
Конформные	Не будут принимать участия ни в каких акциях протеста	11,1
3/о		23,0

Группа людей, которые собираются принимать участие в активных протестных акциях по любому поводу (условно назовем их активными), составляет 22,8%. Именно они являются ядром любой общественной акции. Есть люди, которые, наоборот, не будут принимать участия в акциях протеста ни при каких обстоятельствах, - таких 11,1%, они образуют конформную группу. У 43% реакция ситуативная и зависит от повода для проведения общественной акции. Размер типологических групп говорит о том, что до 65,8% людей могут принять участие в акциях протеста.

Отметим некоторые социальные характеристики групп, склонных к общественной активности:

у молодежи (до 30 лет) преобладает ситуативная активность (29,2%);

крайние группы (активность-конформность) преобладают у соседних возрастных категорий: 40-55 лет (активных 36%) и старше 55 лет (конформных 36,5%);

среди активных у большинства (54,4%) есть опыт общественной работы, среди конформных, наоборот, две трети (69,6%) не имеют опыта общественной работы;

судя по нашим данным, конформные если и будут помогать незнакомым людям, то преимущественно в одиночку: 27,1%. Всего 14,4% будут оказывать помощь в группе людей, объединившихся для этой цели. За помощь через организации высказались всего 7,6% конформных;

активные с равной вероятностью будут помогать и в одиночку, и объединившись с другими людьми: 44,9% и 45,6% соответственно. Через организации предпочитают оказывать помощь 26,6% активных.

Общественная активность влияет на отношение к общественным организациям. Чем более активными являются респонденты, тем более высоко они оценивают роль НКО в России - и текущую, и будущую. 28,4% активных оцени-

вают роль НКО как значительную (против 18,8% у конформных). Две трети ситуативных считают, что НКО в России играют незначительную роль (62,8% против 52-54% в других группах). Без малого треть (28,8%) конформных затруднились ответить на этот вопрос (в то время как в других группах число затруднившихся ответить составило 13 - 17%).

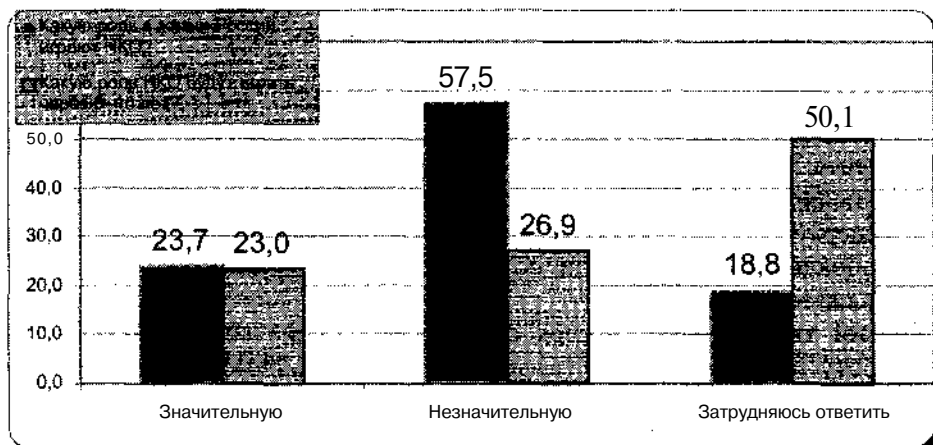

Рис. 8. Оценка значимости НКО в жизни россиян (текущая и перспективная)

Мотивы участия в общественной деятельности

Рассматривая деятельность НКО, надо принять во внимание, что она осуществляется живыми людьми, которые зачастую руководствуются личными мотивами. Возможно, проблемы современных российских НКО связаны со сменой «поколений активистов» или кризисом стимулов гражданской деятельности: по мнению Л. Алексеевой, количество людей, готовых тратить свое рабочее или свободное время на защиту общественных интересов, уменьшается. Хотя латентная доля людей, предрасположенных к гражданской самореализации, в России не меньше, если не больше, чем во многих других странах, но для подавляющего числа представителей этой «доли» смысл и цена гражданской самореализации в сегодняшней России не очевидны. Существующие гражданские практики далеко не всегда помогают ответить на вопрос, зачем они нужны и какова их эффективность с точки зрения продвижения и защиты общественных интересов [Алексеева 2004].

Исследование полностью подтвердило эту точку зрения. В соответствии с наблюдениями Л. Алексеевой, экспертов, которые просто зарабатывают, используя свой статус, все больше, а активистов общественных организаций все меньше.

При помощи факторного анализа удалось выделить четыре типа мотивации участия в общественной работе (табл. 9).

Первый тип включает в себя возможность принести пользу людям, возможность почувствовать свою нужность; личное ответственное участие в организованной работе на основе доверия, солидарности и сотрудничества; мораль-

ное удовлетворение. Этот тип мотивации можно назвать гедонистическим-приносящим моральное удовлетворение от общественной деятельности.

Второй тип включает в себя способ приобретения полезных связей, знакомств; возможность профессионального роста и повышения квалификации; способ улучшения своего материального положения; способ повышения личного социального статуса. Этот тип мотивации можно назвать инструментальным - направленным на получение некоторой прибыли, увеличение личного капитала (как материального, так и социального). Именно об этом писал Г. Дилигенский: «...в делах и сознании лидеров НКО эта этика сливается с вполне рыночным практицизмом и установкой на ценности профессионального менеджмента... Социальная этика этих лидеров - не прекраснородушный идеализм, но ценностный ориентир практической деятельности, вписанной в условия и императивы становящейся рыночной экономики. И многие из них - не только социально активные люди, но и профессионалы некоммерческого сектора...» [Дилигенский 1997].

Третий тип включает в себя отсутствие материальной компенсации за труд, работу по принуждению (вызывает полностью негативные ассоциации, связанные с общественной деятельностью) и подразумевает внешнее давление, принуждение к выполнению общественной работы.

Четвертый тип включает в себя доступ к дефицитным ресурсам и информации, реализацию собственных идей, участие в общественной жизни. Имеется в виду, что, участвуя в общественной жизни, можно получить доступ к информационным и другим ресурсам, которые иначе были бы недоступны. С помощью ресурсов можно реализовать собственные идеи. Фактически это механизм влияния на общество, его модернизация (личные материальные выгоды отодвигаются на второй план). Назовем этот фактор инновационным.

Общественная активность и государство

Для того чтобы стать успешным, процесс развития гражданского общества должен сопровождаться процессом укрепления российской государственности [Домрин 2003]. Если раньше позиция государства сводилась в основном к доброжелательному невмешательству [Якобсон 2007], то теперь пришло понимание значимости НКО и выполняемой ими миссии в структурной сбалансированной деятельности, проводимой государством.

Гражданское общество функционально должно работать, обеспечивая сплоченность общества «снизу». «Человеческий и культурный капитал создает весомые потенциалы дальнейшего развития гражданского общества. Ключевым моментом, определяющим вектор этого развития, являются *отношения гражданских организаций с властью*... (курсив наш. -Е.П., Г. Г.)» [Дилигенский 1997].

Итак, и анализ публикаций, и результаты наших опросов приводят к мысли, что гражданское общество следует рассматривать не как противовес, а как базис и фундамент завтрашнего российского государства. На рис. 9 схематично показана связь концептов общественной деятельности граждан и возможных моделей взаимоотношений с государством.

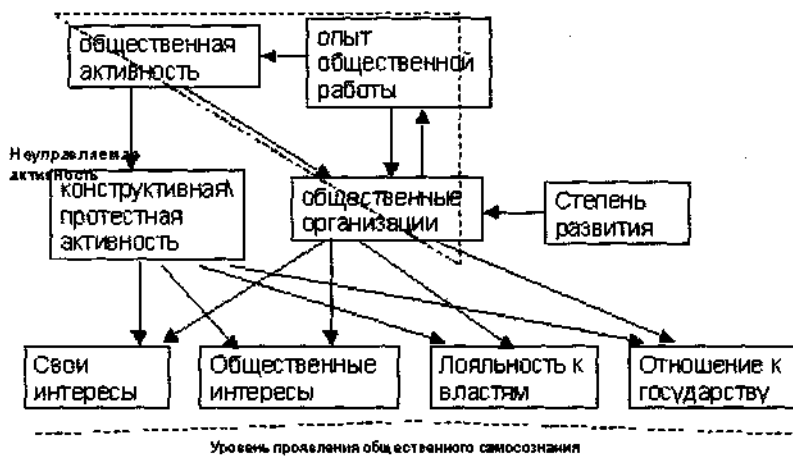

Рис. 9. Структура включенности населения в общественную деятельность

Общественные инициативы создают поводы для привлечения все большего количества граждан страны к общественному полю деятельности. С развитием гражданской самоорганизации повышается включенность населения в контекст государственной управляемости. К тому же всегда есть определенный уровень потребности в выражении общественной активности. Если формированием общественной активности не будет заниматься государство, этим займется кто-то еще - как в конструктивном, так и в протестном направлении. Наоборот, развитие общественных организаций создает замкнутый цикл: они повышают причастность каждого гражданина к изменениям в своей стране. В то же время вероятность участия в общественной деятельности в дальнейшем увеличивается по мере накопления опыта.

Исследование показало важность внешнего одобрения, поддерживающей среды для общественной деятельности. И общественно активные, и пассивные люди отметили, что им было бы легче принимать участие в общественной жизни, если бы вокруг было больше таких людей, как они. Это показывает важность распространения стандартов общественно активного поведения через СМИ, социальную рекламу и т. д. Одобрение помогает сформировать стандарты публичного поведения, которые, в свою очередь, влияют на ценностные установки индивидов. Ценностные установки снимают психологический барьер участия в общественных организациях, тем самым стимулируя общественную активность.

Исследование показывает, что преодолеть психологический барьер негативного отношения к общественной работе и повысить доверие к людям, занимающимся общественной деятельностью, помогает даже единовременное участие в общественной акции. Те, кто имели опыт участия в общественной деятельности, с большим доверием относятся к другим общественно активным людям. В то же время отсюда следует вывод о необходимости стимулировать вовлечение населения хотя бы в небольшую (возможно, чисто символическую)

общественную деятельность, благотворительность и т. д. Судя по всему, общественные организации, расширяя охват людей, могут привить им и «процедурные навыки» ведения общественной работы (своеобразные тренинги), повысить уровень доверия другим общественным организациям, степень признания полезности выполняемой ими работы.

Те, у кого есть опыт общественной работы, на 20% чаще готовы помогать незнакомым людям (63,7% против 45,6%). Они на 10-15% чаще обратились бы к посредничеству организаций или организовали бы группу поддержки со своими друзьями.

Внешнее окружение стимулирует участие в общественной деятельности, и 43,9% респондентов стали бы проявлять большую общественную активность, если бы вокруг было больше людей, готовых помогать незнакомым. Среди тех, кто готов помогать незнакомым людям, доля тех, кто стал бы проявлять высокую общественную активность, возрастает до 70%.

Вовлечение в общественную деятельность помогает установлению связей на межличностном уровне: общественно активные люди оказываются включенными в более плотную социальную сеть, наряду с родственниками им чаще помогают друзья. Неактивные более изолированы, им остается полагаться только на помощь родственников.

На рис. 10 показано, что среди тех, у кого в окружении преобладают согласие и сплоченность, лояльность к властям повышается в 2 раза.

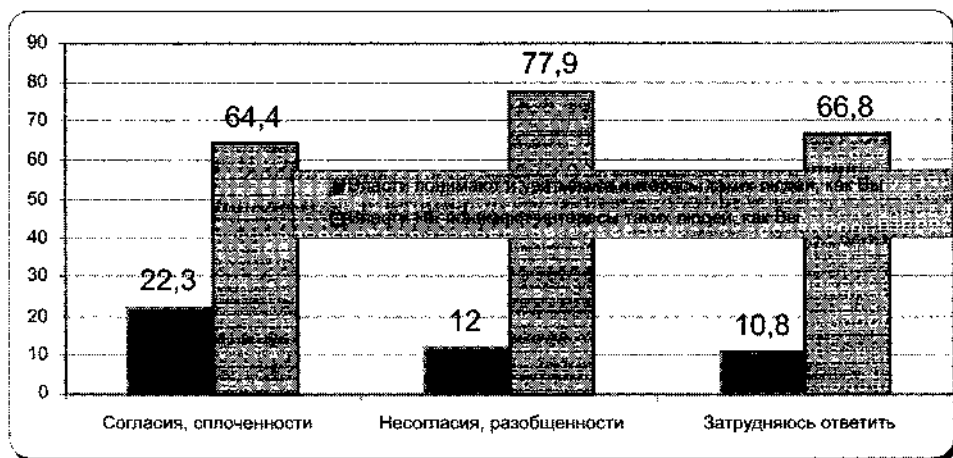

Рис. 10. Влияние окружения на оценку деятельности властей

Сплоченность на низовом уровне еще не гарантирует лояльность властным структурам и разумную самоорганизацию, не направленную на разрушение общественного порядка. Две трети респондентов (64,4%) считают, что власти не понимают и не учитывают их интересы. Эта доля увеличивается до 77,9% для тех респондентов, которые не склонны к объединению.

Тем не менее в группе с более сплоченным окружением доля людей, считающих, что власти их понимают, в 2 раза выше чем среди тех, у кого в окружении больше разобщенности, - 21,3% против 12,0%.

Слабый потенциал взаимодействия с властными структурами демонстрируется в ответе на вопрос «По Вашему мнению, власти понимают и учитывают интересы таких людей, как Вы, или нет?». Положительно ответили всего 17,7% опрошенных, отрицательно - 69,2%. С другой стороны, по сравнению с 1990-х годами оценка деятельности властей практически не изменилась: доволно действиями властей чуть больше трети населения (см. табл. 10).

Таблица 10. Удовлетворенность положением дел в вашем городе (селе, поселке), %

Положением дел там, где вы живете...	Годы	
	1990 г., %	2008 г., %
Доволен	34,5	37,0
Не доволен	57,6	55,3
Затрудняюсь ответить	7,9	7,6

Поскольку динамических изменений в оценке внешней ситуации практически не произошло, следует предположить, что существуют некоторые персональные обстоятельства, влияющие на понижение доверия властям. Нам удалось эмпирически выделить следующие ключевые критерии такого рода:

- а) личные достижения или депривация;
- б) уровень социальной защищенности.

Мы исходили того, какие ценности были заявлены респондентом как важные (жить в достатке, работа, досуг), и провели сравнение с удовлетворенными этими сторонами жизни. Тех, для кого данный аспект важен и кто одновременно удовлетворен этим аспектом в настоящее время, мы относили в категорию «достижение». Тех, для кого этот аспект важен, но кто им не удовлетворен, относили соответственно в категорию «депривация» (см. табл. 11).

Таблица 11. Уровень депривации основных сторон жизни

Категория	Аспект		
	Жить в достатке	Работа	Досуг
Достижение	19,9	36,2	50,5
Депривация	68,0	20,6	24,4
Остальные	12,1	43,2	25,1
Всего	100	100	100

Наибольшая степень депривации (68%) выявилась для аспекта «жить в достатке» (достижимость здесь составляет всего 19%). Наибольшая степень достижимости в аспекте «досуг» - 50,5%. Самой неопределенной является категория «работа» - 43,2% респондентов попали в аспект «остальные» (при этом преобладает группа тех, для кого работа важна, но они затруднились оценить свою удовлетворенность - 15%).

Анализ данных показывает, что чем более депривирован человек, тем более он подвержен социальной апатии и менее склонен к вступлению в общественные организации (участию в них). И наоборот, более успешные люди склонны более активно отстаивать свои права.

Помимо степени депривации можно оценить уровень тревожности наших сограждан. Больше половины опрошенных не чувствуют себя в безопасности в последнее время (53,3%), а группа ощущающих себя социально защищенными несколько меньше (40,7%).

Пересечение двух аспектов социального самочувствия - «Изменение социальной безопасности за последние годы» и «Ощущение социальной безопасности в последнее время» - показывает его растущую дифференциацию. Среди тех, кто за последние годы чувствует снижение социальной защиты, доля незащищенных составляет уже 82,5%. Среди тех, чья защищенность возросла, доля положительного социального самочувствия возрастает до 77,9%. Равновесие не только весьма неустойчиво, но и имеет негативную динамику.

Подытожим наши наблюдения

Нынешнее позиционирование гражданского общества крайне противоречиво. Тем не менее, с точки зрения государственной консолидации, гражданское общество может выступать как социальный клей, скрепляющий страну «снизу». Именно оно обеспечивает устойчивость общества, вне зависимости от политических перестановок «сверху».

Потенциал протестной активности продолжает сохраняться весьма высоким: четвертая часть респондентов декларирует готовность принимать участие в протестных акциях по любому поводу, чуть более 40% готовы принимать участие в акциях протеста в зависимости от повода. Только десятая часть населения не будет принимать участия ни в каких акциях протеста.

Несмотря на общее снижение доверия граждан, наше исследование показывает значительный потенциал низовых межличностных взаимодействий. В то же время происходит сильное падение доверия общественным организациям. Возможно, это продиктовано низкой активностью различных общественных организаций в оказании конкретной помощи людям. Исправить ситуацию можно, если действовать в двух направлениях: во-первых, доводить до сведения граждан информацию об этих организациях; во-вторых, избавляться от формальностей, с которыми связана деятельность этих организаций. Напомним, что доверие общественным организациям повышается даже при однократном включении индивида в общественную деятельность. Соответственно, расширяя поводы для участия граждан в общественной деятельности, можно повысить уровень гражданского самосознания в обществе.

Фактически мы можем говорить о том, что общественные организации стимулируют включение отдельного индивида в общественные отношения, повышают так называемую социальную страховку, сети поддержки в обществе.

Помимо всего прочего результаты нашего исследования в очередной раз подтвердили, что доброжелательность, социальная активность и доверие напрямую зависят от таких показателей, как благополучие, защищенность и достижение социального успеха (снижение социальной депривации).

Литература

- Алексеева Л.* Гражданское общество в России сегодня. 2004. 24 авг.
<http://www.liberal.ru/article.asp/Num=205>
- Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: Экономико-социологический анализ. М.: Изд. ГУ-ВШЭ, 2004.
- Геллер Э.* Условия свободы. М.: Ad Marginem, 1995.
- Голенкова З.Т.* Гражданское общество в России // СОЦИС. 1997. № 3.
- Дилигенский Г.* Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. 1997. № 4.
- Дилигенский Г.* Существует ли в России гражданское общество? // Поговорим о гражданском обществе. М.: Изд. Фонда «Общественное мнение», 2001.
- Домрин А.* «Гражданское общество» в России: Заметки русского правоведа // Новый журнал. 2003. № 233. <http://magazines.russ.ru/nj/2003/233/domrin.html>
- Звоновский В.* Повседневное межиндивидуальное безличное доверие как фактор хозяйственной деятельности // Мир России. 2007. № 2.
- Зигерт Йенс.* Гражданское общество в России // Отечественные записки. 2005. № 6 (26). <http://www.strana-oz.ru/?numid=27&article=1169>
- Радаев В.* Социология рынков: к формированию нового направления. М.: Изд. ГУ-ВШЭ, 2003.
- Резник Ю.М.* Гражданское общество как феномен цивилизации. М., 1998.
- Романенко Л.М.* ГО в России уже есть, но... // Социс. 1994. № 1.
- Романенко Л.М.* О методике исследования гражданского общества // Социс, 1995. № 1.
- Франк С.Л.* Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
- Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М., 2003.
- Хлопин АД.* Гражданское общество versus социум клик // Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России. М., 2006.
- Хорос В.* Гражданское общество: как оно формируется (и сформируется ли) в постсоветской России // МЭиМО. 1997. № 5.
- Якобсон Л.И.* Российский третий сектор от импорта к импортозамещению // Некоммерческий сектор, экономика, право, управление. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.
- Anheier H.K., Carlson Civil L.* Society: What It is, and How to Measure It // Centre for Civil Society Briefing. 2002. № 3. www.lse.ac.uk/depts/ccs/briefings.htm
- Anheier H.K., Carlson L.* Civil Society: Measurement and Policy Dialogue. Earthscan, London, 2002.
- Anheier H.K., Carlson L. (contrib. by Heinrich V.F., Naidoo K.)* The Civil Society Diamond: A Primer. CIVICUS (World Alliance for Citizen Participation), Washington, DC, 2002.
- Cohen J.L., Arato A.* Civil Society and Political Theory. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1992.
- Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: an Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge (England): Polity Press, 1992.
- Putnam R.* Bowling Alone: the Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster, 2000.
- Putnam Robert D.* Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. № 6.
- Putnam Robert D.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.
- Putnam Robert D.* Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America // PS: Political Science and Politics, 1995.